

У меня столько надеюшка
 Что на спаса, на пречисту богородицу,
 Да на своего братца на крестового
 Да на молода Добрынюшку Микитинца.¹

Таково это первое характерное для идеологии изучаемой эпохи вообще объяснение борьбы за Азов.

Эти мотивы сочетаются в казачьей „речи“ с очень характерными для Войска Донского мотивами „рыцарско“-эпическими. Если турки упрекали казаков: „вы же взяли любимую ево цареву отчину, красной и славной Азов град... не пощадили вы в нем никакова мужеска возраста...“, то казаки резонно отвечают: „А красной хорошей Азов городъ взяли мы... не татыным промыслом, впрям в день взатьемъ взяли и дородством своим...“ (137). Ср. такую же окраску борьбы за взятие Азова в Исторической повести: „... и учал говорить атаман Михайло Ицанов (историческое лицо, — А. Р.)... Атаман и казаки и все великое донское и запорожское Войско! Пойдем мы под тот град Азов среди бела дни, не украдом, не ночью, не устыдим лица своего от тѣх поганых бусурманов“ (55, 65).

Казаки особенно заботятся о своей „чести и славе“. Готовясь к обороне Азова, Войско призывает на помощь „верховых“ казаков и мотивирует это в своей грамоте необходимостью „попомнить престол Ивана Предотеча... и свою атаманскую и молодецкую славу не потерять“.² Допуская даже возможность поражения, казаки в своем ответе заявляют, что и в этом случае султан не приобретает „чести“ победителя, так как воюет он наемными силами, „умом немецким и промыслом“, а не своим. И, наоборот, „есть ли толко избавит нас бог от руки ево... и отсидимся от вас в Азове городе..., срамота ему, царю вашему турецкому, и позор будет во веки...“.

Но, наряду со всей этой типичной для данной эпохи и среды идеализацией своей борьбы, Войско не забывает о главном — о социально-политических условиях своего противоречивого положения в Московском государстве. Эта тема вводится вместе с прославлением каждой стороной своих „царей“. Если турки заявляли, что султан „всех... болши земных царей“, что он „страж гробу божию“, то казаки отвечают гиперболической похвалой русскому царю, используя форму его титула: „А государь нашъ великий... Михайло Федоровичъ всеа Росии самодержецъ и многих государствъ... государь и обладатель“, — и далее развивают этот титул: „много у него великого государя на вѣчном холопстве таких бусурманских царей служить..., как и вашъ Обрагим турецкой царь“ (138). Турки грозили, что казакам из Москвы не будет „помощи и выручки“ и что „хлѣбного запасу с Руси николи к вам не пришлют“. Здесь они попали

¹ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом, т. II. Изд. 2-е, СПб., 1896, стр. 83.

² Донские дела, кн. I, стб. 810; „верховые“ казаки — живущие в верховьях Дона.